Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели

ЧЕРЕПАНОВ Виктор Алексеевич, профессор кафедры государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации 355017, Россия, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, 12
E-mail: sigma45@yandex.ru

В теории конституционного права термином «народ» обозначаются два различных понятия: эмпирическое понятие (конкретный народ как совокупность граждан) и теоретическое понятие (абстрактный народ как юридическая личность, как правовое существо). При конституционно-правовом рассмотрении народ предстает как единство двух противоположностей: абстрактного народа (как должного) и конкретного народа (как сущего), а противоречие между ними — как противоречие между должным и сущим. Это исходное общее противоречие получает специфическое выражение в различных публично-властных отношениях, в которых возникают свои специфические противоречия как проявление общего противоречия, а они образуют частные проблемы, которые, в свою очередь, распадаются на порождающие их проблемные вопросы.

Цель исследования заключается в разработке теоретических положений, которые могут быть положены в основу научного познания таких проблемных вопросов и поиска возможных путей их решения. Данная цель выполняется посредством реализации следующих задач: теоретическая интерпретация понятия «народ» при его использовании в различных отраслях научного знания; сравнительный анализ взаимоотношений народа и государства в истории развития взглядов на природу государства; философское осмысление конституционной модели российской государственности.

Методологическую основу исследования составили диалектический, системный, сравнительно-правовой, нормативный и иные методы познания.

Автором на основе доктринального толкования конституционной модели предложен концептуальный подход, в соответствии с которым народ рассматривается как структурная единица российской государственности, как исходная гносеологическая клеточка ее научного познания, а само государство — как государственно организованный народ, как «коллективный гражданин». Такое понимание народа представляется перспективным как для переосмысления существующих знаний, так и для проведения конкретных государственно-правовых исследований.

Ключевые слова: народ, абстрактный народ, конкретный народ, государство, источник власти, должное, сущее, эмпирическое знание, теоретическое знание, конституционно-правовое концептуальное пространство.

The People and the State: On the Doctrinal Interpretation of the Constitutional Model

V. A. CHEREPANOV, professor at the Stavropol State Agrarian University, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation

12, Zootekhnicheskii lane, Stavropol, Russia, 355017
E-mail: sigma45@yandex.ru

Two different concepts are denoted by the term “the people” in the theory of constitutional law: an empirical concept (the concrete people as a complex of citizens) and a theoretical concept (the abstract people as a juridical person, as a legal creature). Under constitutional considering the people is appeared as unity of two opposites: the abstract people as something that must be and the concrete people as real being; the contradiction between them as the contradiction between something that must be and real being. This basic contradiction is taken specific expression in different public relations in which some specific contradictions are emerged as an exhibition of the total contradiction between

the abstract and concrete people (between something that must be and real being), and they cause some particular problems, which by turn are decomposed on problem issues.

The aim of the research is to develop theoretical provisions that can be used as a basis for scientific knowledge of such problematic issues and search for possible ways to solve them. This aim is implementing by means of realization of following tasks: theoretical interpretation of the concept of “the people” when using it in various branches of scientific knowledge; a comparative analysis of the relationship between the people and the state in the history of development of views on the nature of the state; philosophical interpretation of the constitutional model of the Russian statehood.

The methodological basis of this scientific work was dialectical, systemic, comparative-legal, normative and other methods of cognition.

The author based on the doctrinal interpretation of the constitutional model proposed a conceptual approach that views the people as a structural unit of the Russian statehood as the initial gnoseological cell of its scientific cognition, and the state itself as the state-organized people, as the “collective citizen”. Such understanding of the concept “the people” is presented as perspective for comprehension of existing knowledge and conducting concrete researches in constitutional law.

Keywords: the people, the abstract people, the concrete people, state, source of power, something that must be, real being, constitutional and legal conceptual space.

DOI: 10.12737/art_2019_1_9

При научном познании любого объекта, и государство не является исключением, неизбежно возникает вопрос, с чего начать такое исследование. Изучение всякого целостного образования предполагает его расчленение на составляющие элементы с последующим анализом выделенных элементов и связей, объединяющих их в единое целое. При рассмотрении государства как политико-территориальной организации общества в качестве его элементов, как правило, выделяется известная триада, предложенная еще Г. Еллинеком в начале прошлого века: территория, население (народ), государственная власть¹. Такая теоретическая конструкция (при всей ее значимости в истории развития взглядов на природу государства) представляется спорной по следующим причинам.

Во-первых, как убедительно показал Л. С. Мамут, выделяемые «элементы государства» таковыми фактически не являются, в связи с чем данная теоретическая схема «в неверном свете выставляет действительные зависимости, которые существуют между государством и органично релевантными ему яв-

лениями. Формула “элементы государства” инспирирует осмысление такового и приписываемых ему элементов как целого и частей (предметов), составляющих это целое. Отношения же целого и его частей — в общем плане суть отношения иерархии. Но диалектика связей “территории”, “власти” и “народа” совершенно другая; причем каждый из названных “элементов” связан с государственностью сугубо на свой собственный лад. Например, “территория”. Она — вовсе не часть самого государства, а лишь пространственное условие (наряду с временным) его бытия. “Власть” (вернее, публичная власть) и государство соотносятся не как часть и целое, а как функция и материализующая ее структура. Что касается “народа” и государства, то они коррелируют так, как субстанция и один из ее модусов².

Во-вторых, метод изучения сложного целого путем его расчленения на элементы имеет определенные недостатки, которые можно проиллюстрировать на примере психологических исследований речевого

¹ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 161—162.

² Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 89.

мышления, проведенных Л. С. Выготским в 1930-х гг. и заложивших теоретические основы отечественной психологии.

Критикуя разложение целостного образования на элементы, он сравнивает его с химическим анализом воды, разлагающим ее на водород и кислород. В результате получают элементы, которые не содержат свойств, присущих целому как таковому, и обладают рядом новых свойств, никогда не принадлежащих этому целому. Если бы исследователь в поисках объяснения свойств воды, например, почему вода тушит огонь, прибег бы к разложению воды на кислород и водород как к средству объяснения этих свойств, то он с удивлением узнал бы, что водород сам горит, а кислород поддерживает горение, и никогда не сумел бы из свойств этих элементов объяснить свойства, присущие целому. Им разработано принципиально новое понимание структурного анализа целостного образования, при котором оно расчленяется не на элементы, а до основной, далее неразложимой единицы, сохраняющей в себе все свойства целого³. Такую основную и исходную единицу мышления и речи Л. С. Выготский находит во внутренней стороне слова, в его значении, поскольку «само слово представляет собой живое единство звука и значения и содержит в себе, как живая клеточка, в самом простом виде все основные свойства, присущие речевому мышлению в целом»⁴. В результате исследования речевого мышления со значением слова в качестве исходной гносеологической «клеточки» им была построена целостная теория мышления, которая вошла в золотой фонд психологической науки.

Данный пример потребовался для того, чтобы наглядно показать необ-

ходимость выделения структурной единицы целостного объекта как исходного пункта его научного познания. В методологическом же плане роль и значение исходной гносеологической «клеточки» были обоснованы значительно раньше в работах К. Маркса, который в качестве исходной абстракции для исследования капиталистического общества выбрал категорию «товар» (с имманентным противоречием абстрактного и конкретного труда). В философской литературе подчеркивается огромное познавательное значение такой исходной «клеточки» исследования и обосновывается общая приложимость методологического приема самовоспроизводящейся «клеточки» как носителя основного движущего противоречия для научного познания различных объектов⁵.

С учетом сказанного считаем возможным полагать, что изучение Российского государства как целостного образования также целесообразно начинать с его «клеточки», для выявления которой рассмотрим конституционную модель российской государственности, закрепляющую конституционный идеал устройства Российского государства и объясняющую происхождение и функционирование публичной власти в ее взаимосвязи с народом, проживающим на территории страны. В основе этой конституционной модели, как известно, лежит принцип народовластия, в соответствии с которым носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (далее — народ, российский народ).

При доктринальном толковании конституционной модели убедительной представляется позиция Б. С. Эбзеева о том, что действующая

³ См.: *Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования.* М.; Л., 1934. С. 4—15.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ См.: *Марксистская философия в XIX веке. Книга первая: От возникновения марксистской философии до ее развития в 50-х — 60 годах XIX века.* М., 1979. С. 453—454.

Конституция основана на доктрине делегирования народом права на власть, которым пользуются должностные лица, осуществляя принадлежащие им по Конституции и законам полномочия. Народ передает государству не саму власть, а право на власть, сохраняя за собой учредительную власть⁶.

Однако при всей поддержке такого подхода остается ощущение некоторой неудовлетворенности, вызванной противопоставлением народа и государства, которые рассматриваются как две различные и противоположные сущности. В связи с этим отметим, что в истории развития взглядов на природу государства можно выделить две различные концептуальные матрицы, которые вкратце сводятся к следующему⁷. В рамках первого направления государство с античных времен рассматривалось как коллективность, как политическое сообщество (Аристотель, Цицерон, Локк, Кант и др.).

Представители второго направления (Боден, Гоббс, Маркс, Энгельс, Ленин и др.) ассоциировали государство с правителем и его приближенными, с институтами (органами) публичной власти, с корпусом чиновников, должностных лиц и т. д. Такие взгляды на природу государства «привели к тому, что сформировался его однобокий (и потому ущербный) образ: отделившаяся (оторвавшаяся) от политической коллективности машина (совокупность учреждений), которая откуда-то извне социума повелевает, как

марионетками, всеми членами политического сообщества, будто бы и не составляющими самое материю (субстрат) государства»⁸.

С учетом сказанного, вслед за Л. С. Мамутом, считаем возможным полагать, что государство — это не надстройка над обществом, а публично организованное общество, публично-властным образом организованный народ (государственно организованный народ, «коллективный гражданин»). При таком понимании государство предстает в виде целостного организма — публично-властным образом организованного народа, а народ в его целостности — как «вместилище, обладатель, носитель и исполнитель публичной власти»⁹. Таким образом, народ — это не отделенная от государства сущность, а неразложимая далее структурная единица государственности.

В связи с изложенным в качестве исходного пункта при изучении российской государственности, по нашему мнению, может быть выбрано понятие «народ», которое используется в различных науках, представляется междисциплинарной категорией и отличается значительными объемом и содержанием. В самом широком смысле под ним понимается социальная общность как совокупность людей, объединенных определенными связями и отношениями (территориальными, экономическими, политическими, социальными, историческими, биологическими, духовно-нравственными, языковыми и др.). Различные науки при изучении этого объекта вычленяют в нем свои части, свои связи и отношения, объединяющие людей в рамках единой общности, которая обозначается в каждой из них одним и тем же термином «народ».

⁶ См.: Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 25, 30—31; Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 181—198.

⁷ См.: Мамут Л. С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 4; Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ; Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7.

⁸ Мамут Л. С. Государство: полюсы представлений. С. 50.

⁹ Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ. С. 95.

В социологии народ рассматривается как социально-территориальная общность, объединенная единой территорией государства, устойчивыми экономическими, политическими, социальными, духовно-нравственными и экономическими связями и отношениями¹⁰. В этнографии народ — это этническая общность как совокупность людей, объединенная общим языком, происхождением, оригинальной культурой, особым укладом жизни, традициями и обычаями, этническим самосознанием, самоназванием и самоидентификацией¹¹.

Таким образом, в социологии и этнографии термином «народ» обозначается эмпирическое понятие, которое имеет явное и определенное соотношение с фактической действительностью, с реальными людьми, которые, реально взаимодействуя между собой, вступают в реальные отношения. Подобное понимание широко воспринято и конституционно-правовой наукой, когда российский народ рассматривается как социально-политическая общность, как совокупность российских граждан.

Наиболее полно такое понимание народа раскрыто О. Е. Кутафиным: «С юридической точки зрения понятие “народ” отождествляется с понятием “граждане” и определяется как принадлежность данной, ассоциированной в рамках единого государства совокупности людей к соответствующему государству. Народ образует физический субстрат государства»¹².

На наш взгляд, в конституционно-правовом концептуальном пространстве понятие «народ» при его рассмотрении в качестве источника власти приобретает иное мыслимое содержание, чем социально-политическая общность как совокупность граждан. Рассматривая учредительные по своей сути властеотношения, возникающие в рамках референдума и свободных выборов (при понимании народа как совокупности граждан), мы приходим к выводам, противоречащим конституционной модели российской государственности, поскольку участниками этих правоотношений являются не все граждане, а только те из них, которые обладают активным избирательным правом и образуют избирательный корпус нашей страны. Рассмотрим эту ситуацию на примере всенародного голосования по принятию Конституции РФ 12 декабря 1993 г. Общая численность населения России на тот период составляла 148 355 867 человек¹³, а численность избирателей — 106 170 835 человек (71,5% российского народа). В голосовании участвовали 54,8% избирателей, из которых 58,4% поддержали Конституцию¹⁴, что составило 32% избирателей, или 22,8% российского народа.

При понимании народа как совокупности граждан мы вынуждены признать, что учредительной властью в нашей стране обладает не весь народ, а только избирательный корпус, причем лишь та его часть, которая проголосовала за принятие Конституции, т. е. лишь 22,8% всего российского народа. В связи с этим следует констатировать, что в конституционно-правовом концеп-

¹⁰ См.: Социология. Основы общей теории: учебник для вузов. М., 2002. С. 298—305.

¹¹ См.: Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000. С. 73; Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 17—18.

¹² Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 320; также см.: Кабышев В. Т., Миронов О. О. Категория «народ» в

советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 3; Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. С. 178.

¹³ URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557.do>.

¹⁴ URL: http://cikrf.ru/law/decreree_of_cec/1993/12/20/post_ref_1993.html.

туальном пространстве возникло объективное противоречие, когда понимание народа как социально-политической общности граждан, выработанное в других отраслях знания, «не вписывается» в конституционную модель, не позволяет адекватно раскрыть правовую природу народа как источника власти и описать закономерности, лежащие в основе российской государственности.

При рассмотрении данного противоречия представляется полезным обратиться к некоторым философско-методологическим положениям, согласно которым в структуре научного познания выделяются два взаимосвязанных вида познавательной деятельности и, соответственно, два уровня научного знания:

1) деятельность, направленная на разработку и совершенствование концептуального аппарата, — теоретическое исследование, в результате которого возникает теоретическое знание;

2) деятельность, направленная на применение концептуального аппарата для ассимиляции эмпирического материала, — эмпирическое исследование, в результате которого возникает эмпирическое знание¹⁵.

Эмпирическое исследование ориентировано непосредственно на реальный объект, как он дан в наблюдении и эксперименте, и оперирует эмпирическими понятиями, имеющими непосредственное соотношение с действительностью. Теоретическое же исследование оперирует с идеальными объектами, которые не являются реальными объектами, а представляют собой результат различных мыслительных действий — схематизации, идеализации, моделирования, зафиксированных в знаково-символических средствах

языка науки (формулы, схемы и др.). Их примерами могут служить материальная точка, идеальный газ, идеальный маятник. Такие идеальные объекты в природе не существуют, они «выступают как результат мысленного конструирования, когда мы абстрагируемся от несущественных (в том или ином отношении) связей и признаков предмета и строим идеальный объект, который выступает носителем только сущностных связей»¹⁶. Таким образом, в структуре любой сформировавшейся науки существуют два взаимосвязанных уровня знания:

теоретическое знание, «обитаемыми» которого являются максимально абстрактные понятия — не существующие в природе идеальные объекты, для которых сложно (или практически невозможно) найти эмпирические аналоги в фактической реальности;

эмпирическое знание, оперирующее эмпирическими понятиями, имеющими непосредственное соотношение с действительностью.

При исследовании правовых явлений, помимо выделения эмпирического и теоретического в структуре научного знания, необходимо различать фактическую и правовую реальности (фактическую и правовую действительности). В рамках такого онтологического направления в изучении права, активно разрабатываемого Г. А. Гаджиевым, сформулирован ряд новых подходов, которые представляют несомненный интерес с точки зрения исследуемого вопроса¹⁷.

Под правовой действительностью (реальностью) в отличие от факти-

¹⁶ Степин В. С. Указ. соч. С. 159—160.

¹⁷ См.: Гаджиев Г. А. О пространственно-временном мышлении в конституционном праве (вопросы юридической онтологии и аксиологии) // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6. С. 82—93; Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 6—38, 278—316.

¹⁵ См.: Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 156—200; Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. С. 237—371.

ческой действительности (реальности) понимается идеальная по сути онтологическая реальность — правовое концептуальное пространство, включающее в себя как право, так и изучающую его юриспруденцию. В правовой действительности происходит преобразование вещного мира. В результате юридического восприятия фактической реальности осуществляется ее отражение в обедненном и кривом зеркале, поскольку право — это искаженное отражение действительности, так как оно неизбежно использует разного рода фикции, символы. В правовом концептуальном пространстве обитают образы и символы реальных вещей и субъектов. При этом правовое концептуальное пространство, представляя собой упрощенную (редуцированную) картину фактической реальности, само, в свою очередь, является реальностью — это «юридизированная действительность», «идеальная онтологическая материя». Исходя из этих положений в работах Г. А. Гаджиева формулируется понятие «конституционно-правовое концептуальное пространство», в основе которого лежат максимально абстрактные юридические категории, такие как «государство», «воля государства», «воля народа», для которых сложно (или практически невозможно) найти эмпирические аналоги в фактической реальности.

Возвращаясь с учетом сказанного к понятию «народ», необходимо отметить следующее. В конституционно-правовом концептуальном пространстве, населенном не реальными людьми, а правовыми абстракциями, юридическими фантомами и фикциями, эмпирическое понятие «народ», как отмечалось, не работает, в связи с чем возникает необходимость в теоретическом понятии «народ» как правовой абстракции, не имеющей непосредственного эмпирического коррелята. На наш взгляд, такое теоретическое понятие, может быть, не всегда сформулированное в

явном виде, уже имеется в конституционно-правовой науке и применяется наряду и одновременно с эмпирическим понятием, когда народ рассматривается как «юридическая личность»¹⁸, единое историческое целое, объединяющее исторический опыт прошлых поколений¹⁹, «существует как наследник предыдущих поколений, представлен нынешними поколениями и воплощается в будущих поколениях»²⁰.

Таким образом, одним и тем же термином «народ» в конституционно-правовой науке обозначаются два разных понятия:

эмпирическое понятие «народ» — конкретный народ как совокупность граждан;

теоретическое понятие «народ» — абстрактный народ как юридическая личность, как правовое существо, представляющее собой единое историческое целое и связанное общей судьбой с прошлыми и будущими поколениями.

Абстрактный народ — это правовая абстракция, юридическая фикция, идеальная конструкция, которая не существует в фактической реальности. При ее гносеологическом осмыслении весьма уместными и полезными оказываются положения трансцендентальной философии Иммануила Канта об идеях чистого разума, для которых в чувствах не может быть дан никакой адекватный объект²¹. Такие максимально абстрактные, чистые понятия определялись им как трансцендентные, т. е. выходящие за пределы всякого опыта, в котором, следовательно, никогда не бывает предмета, соответствующего этим понятиям. Они

¹⁸ См.: Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 325.

¹⁹ См.: Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. С. 176—177.

²⁰ Гаджиев Г. А. Онтология права. С. 258.

²¹ См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана. Т. 3. М., 1964. С. 347—592.

имеют исключительно важное регулятивное значение, поскольку регулируют все наше познание, позволяя осуществить систематическое единство познания на основе абстрактных конструкций, выступающих концептуальными линзами, через которые мы воспринимаем реальный мир.

Теоретический разум при использовании таких абстракций обладает способностью гипостазировать их, т. е. приписывать реальное существование их предметам, которые на самом деле не встречаются в фактической действительности. Перефразируя Канта, это происходит от того, что мы диалектически превращаем систематическое единство нашего познания, основанное на концептуальной абстракции, в единство эмпирического целого и начинаем мыслить эту абстракцию как реально существующую вещь. В результате такой подмены возникает неизбежная иллюзия, видимость предметного существования ненаблюдаемой сущности²².

Применительно к абстрактному народу как коллективному целому мы как раз и наблюдаем такую способность теоретического разума гипостазировать это абстрактное понятие, рассматривая народ как совокупность российских граждан. Данное эмпирическое понятие, заимствованное из концептуального пространства других социальных наук, в определенной мере помогает в использовании абстрактного конституционно-правового понятия «народ» как юридической личности и правового существа подобно тому, как в математике создают трехмерные представления о четырехмерных объектах для их лучшего понимания в существующем мире, состоящем из трех измерений.

Обе эти категории (абстрактный и конкретный народ), обозначаемые одним термином, одновременно используются в конституционном

праве и находятся в противоречивом единстве, так как в самом понятии «народ» заключено, сконденсировано противоречие между абстрактным и конкретным народом. Для раскрытия этого противоречия необходимо отметить, что правовые концепты помимо когнитивного компонента, присущего любому понятию, содержат и нормативный компонент, так как закрепляют нормативный идеал, сконструированный законодателем.

Конституционно-правовая сущность народа заключается в том, что он определен Конституцией в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации. В связи с этим абстрактный народ — не просто юридическая фикция (юридическая личность, правовое существо), а юридическая фикция, взятая в определенной ипостаси, а именно в качестве источника всей публичной власти. С учетом сказанного бинарную оппозицию (абстрактный народ — конкретный народ) можно и нужно рассматривать в правовых категориях должного и сущего, поскольку абстрактный народ, являясь носителем суверенитета и единственным источником власти, выступает как конституционный идеал должного устройства Российского государства.

В таком правовом идиллиуме²³, в идеальном мире должного многонациональный российский народ (аб-

²³ Этот емкий и образный термин «идиллиум» введен писателем В. Пелевиным в романе «Смотритель», где одновременно сосуществуют фактическая действительность (Ветхая Земля) и создаваемый медиумами идеальный мир (Идиллиум), как некое утопически идеальное общество, в котором, однако, реально живут герои романа, взаимодействуя с фактической действительностью как источником своего существования. Термин «правовой идиллиум», образно характеризующий конституционно-правовое концептуальное пространство как мир должного и нормативно идеального, используется

²² См.: Кант И. Указ. соч. С. 511.

страктивный народ) действует в соответствии с публичными интересами всего коллективного целого (Российского государства как публично-властным образом организованного народа), «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» и «стремясь обеспечить благополучие и процветание России», как закреплено в преамбуле нашей Конституции. А в фактической реальности конкретные граждане, образующие в совокупности конкретный народ, исходя из частных, а не публичных интересов, вступают в конкретные избирательные правоотношения и нередко приводят к власти непригодных к тому людей, которые не выражают волю народа, а преследуют свои частные, порой весьма корыстные интересы.

При таком доктринальном толковании конституционной модели народ предстает как единство двух противоположностей: абстрактного народа как должного и конкретного народа как сущего, а противоречие между ними — как противоречие между должным и сущим, как исходное и базовое противоречие, которое получает свое специфическое выражение в различных публично-властных отношениях: как при осуществлении народом учредительной власти путем референдума и выборного формирования органов публичной власти, так и при реализации народом своей власти через органы публичной власти путем влияния на их деятельность. Тогда возникновение и развитие российской государственности кратко и, разумеется, весьма схематично можно представить следующим образом.

Принимая на референдуме Конституцию, российский народ (как юридическая личность, как юридическое существо) учреждает этим актом суверенитета всю систему публичной власти в стране. Осу-

ществляя высшее непосредственное выражение принадлежащей ему власти путем выборов, народ создает, учреждает органы народного представительства, которые во взаимодействии формируют иные властные органы.

В итоге внутри единого целого выделяются властные органы, которые осуществляют управление делами всего целостного образования и официально представляют государство организованной народ целиком. В связи с этим органы публичной власти можно представить как структурные образования, создаваемые народом из самого себя как исходной субстанции в составе единого целостного организма, именуемого государством. Вполне уместной может выглядеть здесь аналогия с человеческим эмбрионом как неразделенной целостностью, из которой формируются все органы человеческого организма. Создаваемые таким образом органы публичной власти должны осуществлять управление делами государства от имени народа и в его интересах, выражая в принимаемых решениях волю народа. Сохраняя учредительную власть, российский народ вправе на периодических свободных выборах сменять органы народного представительства, а путем референдума напрямую без опосредующего звена принимать другие решения по управлению делами государства.

Необходимо отметить, что, формируя органы публичной власти, народ тем самым делегирует им свое право на определенный объем принадлежащих ему властных полномочий. В связи с этим многие властные полномочия переходят от народа как единственного их источника к соответствующим органам и должностным лицам. В результате прямое народовластие в значительной степени заменяется деятельностью представительных и иных органов публичной власти, происходит неизбежное в любом государстве отделение публичной власти от народа

как ее единственного источника, которое возникает в процессе имманентного любой социальной системе общественного разделения труда по упорядочиванию публичными делами.

Если такое представление справедливо (а против него не видно принципиальных возражений), то очевидно, что системе народовластия внутренне присуще противоречие между народом и отделяемой от него публичной властью как проявление общего противоречия между абстрактным и конкретным народом. Рассматривая это противоречие, необходимо четко понимать, в какой реальности (правовой или фактической) осуществляются научные рассуждения, дабы не допустить смешения должного и сущего. Так, нередко государственный аппарат отождествляется со всем государством, а коллективность, оставшаяся после его вычленения из социума, именуется народом. Тем самым коллективное целое раскалывается на подвластных («народ») и «властвующих», которые к народу не относятся. Получается, «что в нашем государстве чиновники, сотрудники милиции, военнослужащие, люди, работающие в банках, в системе связи, в жилищно-коммунальных конторах и т. д. и т. п., т. е. миллионы российских граждан — не россияне, “не-народ”. А кто же они? Живущие в Индии тамилы или случайно залетевшие на Землю марсиане?»²⁴.

Абсурдность такого вывода в значительной степени обусловлена смешением абстрактного и конкретного народа, которые относятся к двум различным пластам материи (должному и сущему). Абстрактный народ, являясь «обитателем» правовой действительности (мира должного), как единственный источник власти, вступая в общие учредительные правоотношения, формирует свои

органы своей власти, которые действуют сообразно интересам всего коллективного целого. В этом правовом Идиллиуме государственно организованный народ находится в противоречивом, но все-таки единстве с создаваемыми им органами власти — стадия гегелевского тождества, слитности противоположностей, когда объективно заложенные в системе противоречия находятся в единстве и соответствии.

А спускаясь из такого ирреального мира на «грешную землю», мы оказываемся в фактической реальности (в мире сущего), где обитают конкретные граждане, образующие в совокупности конкретный народ. Расчлененные в связи с общественным разделением труда на «властвующих» и «подвластных», они, вступая в конкретные публично-властные отношения, действуют на основе частных, а не публичных интересов, что приводит к противоречиям и конфликтам между этими различными социальными слоями российского общества. Именно в таком реальном мире (при воплощении в нем идеальной конструкции взаимоотношений между органами публичной власти и народом) происходит развертывание противоречия между народом и отделяемой от него публичной властью.

Очевидно, что в одной журнальной статье не представляется возможным рассмотреть как эту, так и многие другие проблемы народовластия²⁵. Здесь поставлена более скромная задача: сформулировать лишь некоторые теоретические предпосылки, которые могут быть положены в основу дальнейшего научного поиска. В рамках настоящей работы на основе доктринального толкования конституционной

²⁴ Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ. С. 96.

²⁵ Формат научной статьи не позволяет также проанализировать весь спектр теоретических взглядов по данной тематике. Другие, не рассмотренные нами, точки зрения нуждаются в отдельных исследованиях и специальных публикациях.

модели предложен концептуальный подход, рассматривающий народ как структурную единицу российской государственности, как исходную гносеологическую клеточку ее научного познания. Такое понимание народа как единства двух противоположностей: абстрактного народа как должного и конкретного народа как сущего, представляется перспективным как для переосмысления существующих знаний, так и для проведения конкретных государственно-правовых исследований.

Подытоживая сказанное, отметим следующее. При рассмотрении абстрактного народа как конституционного идеала в полной мере применим знаменитый Кантовский принцип «как если бы», основанный на предположении о реальном существовании идеального объекта, применение которого для познания фактической действительности позволяет рассматривать ее в систематическом единстве под углом зрения этой презумпции²⁶. При понимании народа как совокупности российских граждан мы никогда не сможем понять, почему они вообще участвуют в управлении делами государства, в том числе избирают органы публичной власти и принимают важнейшие государственные решения на референдуме.

Поэтому вместо эмпирического понятия народа как совокупности граждан, которое не может повести нас далеко, теоретическое познание создает понятие абстрактного народа как правового существа, являющегося источником всей публичной власти и выступающего в связи с этим первосущностью всей государственности, первопричиной возникновения всей публичной власти, исходным вместилищем (субстратом) всей власти. Такая нематериальная сущность, созданная разумом, есть, правда, лишь абстрактная конструкция и право-

вая фикция и полагается в основу анализа российской государственности для того, чтобы рассматривать все властные общественные отношения, возникающие в фактической действительности, в их систематическом единстве, как если бы они имели свое основание в этой сущности, созданной разумом. Тогда публично-властные полномочия российских граждан оказываются производными от учредительной власти народа как единого целого (юридической личности, правового существа), и такое трансцендентное нечто (абстрактный народ), существующее лишь идеально (в правовом Идиллиуме и в сознании теоретиков права), делает реальными и возможными все обычные и повседневные действия конкретных граждан по участию в отправлении публичной власти, которые без этого трансцендентного нечто были бы просто невозможны.

Подобные идеалы имеют исключительно важное значение в научном познании. «Хотя и нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов, — писал по этому поводу Кант, — тем не менее нельзя на этом основании считать их химерами: они дают необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного»²⁷. С учетом сказанного, правильное применение рассматриваемого конституционного идеала состоит в том, чтобы рассматривать государственно-правовую действительность так, «как если бы» она действительно была творением реального правового существа, называемого народом.

Однако в силу неизбежной иллюзии человеческий разум склонен приписывать объективность такой нематериальной правовой сущности. Данный конституционный идеал (народ как источник власти),

²⁶ См.: Кант И. Указ. соч. С. 569—592.

²⁷ Кант И. Указ. соч. С. 502.

пользуясь терминологией Канта, сначала реализуется, т. е. превращается в объект, затем гипостазировается, т. е. ему приписывается ре-

альное существование в фактической действительности и, наконец, персонифицируется — отождествляется с реальными людьми.

Библиографический список

- Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л., 1934.
- Гаджиев Г. А. О пространственно-временном мышлении в конституционном праве (вопросы юридической онтологии и аксиологии) // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6.
- Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
- Кабышев В. Т., Миронов О. О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 3.
- Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана. Т. 3. М., 1964.
- Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001.
- Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3.
- Мамут Л. С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 4.
- Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7.
- Марксистская философия в XIX веке. Книга первая: От возникновения марксистской философии до ее развития в 50-х — 60 годах XIX века. М., 1979.
- Социология. Основы общей теории: учебник для вузов. М., 2002.
- Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006.
- Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010.
- Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
- Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014.
- Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997.

References

- Abdulatipov R. G. Natsionalnyy vopros i gosudarstvennoe ustroystvo Rossii. Moscow, 2000.
- Ebzeev B. S. Konstitutsiya, vlast i svoboda v Rossii: Opyt sinteticheskogo issledovaniya. Moscow, 2014.
- Ebzeev B. S. Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionnyy Sud. Moscow, 1997.
- Gadzhiev G. A. O prostranstvenno-vremennom myshlenii v konstitutsionnom prave (voprosy yuridicheskoy ontologii i aksiologii). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2011, no. 6.
- Gadzhiev G. A. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitelnosti). Moscow, 2013.
- Kabyshev V. T., Mironov O. O. Kategoriya “narod” v sovetskom konstitutsionnom zakonodatelstve. *Pravovedenie*, 1969, no. 3.
- Kant I. Kritika chistogo razuma. *Kant I. Sochineniya*. Eds. V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oyzerman. Vol. 3. Moscow, 1964.
- Khabrieva T. Ya. Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. Moscow, 2010.
- Kutafin O. Ye. Predmet konstitutsionnogo prava. Moscow, 2001.
- Mamut L. S. Gosudarstvo kak publichno-vlastnym obrazom organizovannyi narod. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2000, no. 3.

Mamut L. S. Gosudarstvo: polyusy predstavleniy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 1996, no. 4.

Mamut L. S. Sotsialnoe gosudarstvo s tochki zreniya prava. *Gosudarstvo i pravo*, 2001, no. 7.

Marksistskaya filosofiya v XIX veke. Kniga pervaya: Ot vzniknoveniya marksistskoy filosofii do ee razvitiya v 50-kh — 60 godakh XIX veka. Moscow, 1979.

Shvyrev V. S. Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii. Moscow, 1978.

Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii. Moscow, 2002.

Stepin V. S. Filosofiya nauki. Obshchie problemy. Moscow, 2006.

Vygotskiy L. S. Myshlenie i rech. Psikhologicheskie issledovaniya. Moscow; Leningrad, 1934.

Yellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. St. Petersburg, 2004.